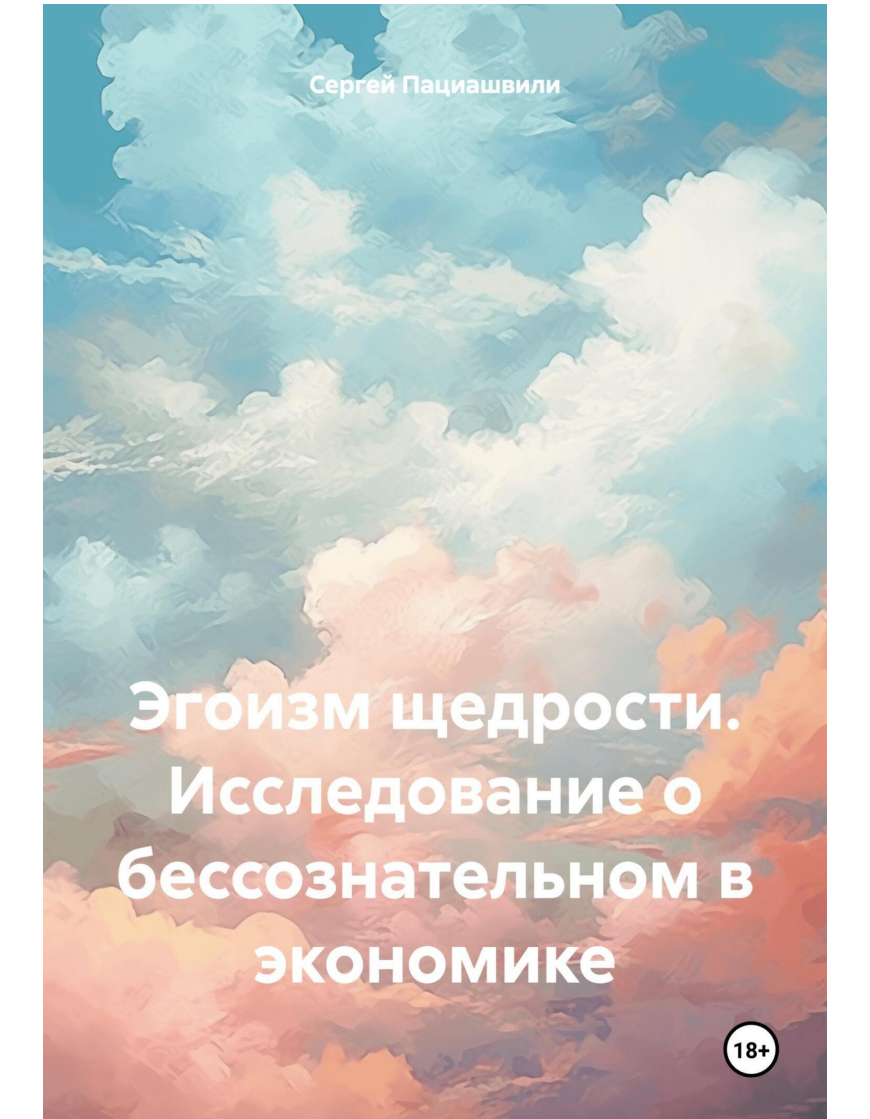

Сергей Пациашвили

**Эгоизм щедрости.
Исследование о
бессознательном в
экономике**

18+

Сергей Пациашвили

Эгоизм щедрости.

Исследование о

бессознательном в экономике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70485121

SelfPub; 2024

Аннотация

На основе морали господ Фридриха Ницше автор создаёт новую экономическую теорию стоимости, а также теорию иерархического социального устройства, в котором всё лучшее от свободного рынка будет сочетаться с аристократической доблестью. Вместе с тем разбираются слабые места теории эволюции, на место которой предлагается альтернативная теория происхождения биологических видов и человеческой культуры, в которой дефицит ресурсов не имеет решающего значения.

Содержание

ГЛАВА 1	4
ГЛАВА 2	24
ГЛАВА 3	50
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Пациашвили

Эгоизм щедрости.

Исследование о

бессознательном

в экономике

ГЛАВА 1

ЭКСПЕРИМЕНТЫ

ПО ЭГОИЗМУ ЩЕДРОСТИ

Эксперименты по бессознательной щедрости снова и, пожалуй, более неотвратимо, чем когда-либо, поставили науку перед серьёзной проблемой происхождения «неэгоистического» в человеке. Кажется, что наука приблизилась наиболее плотно к некоторой глубокой склонности человека к бескорыстию, к самоотверженности, руководящей человеческим поведением. Тут бы и начать снова превозносить человека, как некоторого господина природы или во всяком случае, как уникальный вид, выделяющийся на фоне

прочих животных, но проблема в том, что похожие, хоть и не столь точные эксперименты, были проведены и на животных со сложным мозгом, и показали схожие результаты. Но вместо того, чтобы торопиться и животных называть бескорыстными, попробуем всё-таки найти другое, не христианское объяснение всему, обнаруженному исследователями. И прежде всего, нужно обратить внимание на детали одного эксперимента, проведённого исследовательской группой немецких учёных под руководством С. Парк. [Soyoung Q. Park, Thorsten Kahnt, Azade Dogan, Sabrina Strang, Ernst Fehr & Philippe N. Tobler, «Нейронная связь между щедростью и счастьем», Nature Communications, 8, 15964 doi: 10.1038/ncomms15964 (2017).].

В ходе эксперимента было выделено две группы подопытных. Каждая группа получала какой-то предмет, и первая группа обещала этот предмет подарить, а вторая – оставить себе. Томограф высокой мощности регистрировал активацию нейронов счастья в мозгу именно у первой группы подопытных. Из условий эксперимента следует два вывода: 1. Предмет, предназначенный для подарка, сам был получен в дар. Стало быть, если бы этот предмет был получен трудом, то активации нейронов счастья в мозгу не произошло бы. 2. Поскольку этот предмет был получен в дар, участники эксперимента не боролись между собой за получение данного предмета, между ними не было соперничества за обладание чем-то. Отсюда напрашивается вывод, что если бы

такое соперничество было, и предмет был бы получен в результате борьбы, то дарить такой предмет тоже было тяжело, а его дарение незнакомому человеку не вызывало бы активацию нейронов счастья в мозгу. Уже исходя из этих условий, можно усомниться в бескорыстии данного акта дарения, ведь с учётом всех условий эксперимента получится, что вор или разбойник, отнимающий чужое имущество, должен быть более бескорыстным. Действительно, он не трудится и может не бороться за обладание какой-то вещи, а просто получить её без особых усилий. Если такой вор украл вещь, чтобы кому-то её подарить, то в его мозгу активируются такие же нейроны счастья, какие возникают у дарящего подопытного. Но предполагать в воре некоторое бескорыстие от этого было бы непростительной наивностью. В криминальных сводках нередко случаи, когда вор проматывал украденное имущество за одну ночь за какими-нибудь азартными играми. Это расточительство, это тоже можно назвать подарком. Или вор может часть имущества присвоить себе, а часть предназначить для подарка, и, если следовать условиям эксперимента, у него тоже могут активироваться нейроны счастья. Ведь, как показано, активация этих нейронов происходит только от обещания сделать подарок. Идя на преступление, вор может и не знать, сколько похищенного имущества окажется у него в руках, возможно, его добыча будет больше, чем он обещал кому-то подарить. Разницу он, конечно же, присвоит себе, потратит на собственное благо-

получие и удовольствия. В таком случае он никак не может быть бескорыстным.

С другой стороны, человек, который тяжёлым трудом, потом и кровью добывает свой хлеб и жертвует кому-то часть того, что имеет, не испытывает активации нейронов счастья в мозгу, он, согласно условиям эксперимента, должен быть назван корыстным человеком. Да, он что-то отдаёт, это выглядит, как бескорыстие, но внутри, в глубине души он сожалеет об этом подарке, значит, он – корыстный человек. Отсюда вообще может показаться, что исследователи открыли никакую не щедрость, а склонность человека к расточительству, которое во всех моральных системах считается пороком в отличие от щедрости, которая полагается добродетелью. Но добродетелью является осознанная щедрость, а расточительство может быть бессознательным. Если согласиться с современными нейронауками в том, что щедрость может быть исключительно сознательной, то придётся признать, что исследователи открыли не нравственность, а глубочайшую безнравственность человека. Но не будет спешить с выводами. Рассмотрим для начала, откуда вообще взялось стремление нейронаук находить во всём либо сознательность, либо предпосылку сознания. и бессознательное готовы рассматривать только как некоторое предсознание. Такая точка зрения берёт начало, судя по всему, ещё с философа Сократа, который первым предложил формулу добродетель=счастье=разумность. Только разумный че-

ловек может различать добро и зло, и только способность различать добро и зло делает счастливым. Все неразумные животные таким образом полагаются существами несчастными. Хотя исследования биолога Франса Вааля обнаружили некоторое «неэгоистическое» поведение у высших приматов и даже у собак, что позволяет исключить из этой формулы разумность. Тем не менее, нейронауки продолжают настаивать, что способность различать добро и зло является результатом сознательной деятельности, поэтому любая щедрость так или иначе должна быть сознательной, тем более если она вызывает активацию нейронов счастья в мозгу, то есть, подтверждает вроде бы экспериментально формулу Сократа. Заблуждение Сократа так плотно укоренилось в религии и науках, что уже давно был забыт его автор, он был бесчисленное множество раз цитирован, и сейчас уже больше вспоминают тех, кто цитировали тех, кто цитировали Сократа. Хотя указанный эксперимент, как мы видим, как раз ставит под сомнение точку зрения Сократа. Теперь получается, что преступник, человек безнравственный по крайней мере в какие-то моменты своей жизни может быть более счастливым, чем человек нравственный.

Но если опровергнута первая половина формулы Сократа, где добродетель приравнивается к счастью, то почему должна оставаться неизменной вторая половина, которая приравнивает добродетель к разумности? Сам Сократ эти элементы считал неотделимыми друг от друга и не видел смысла ис-

пользовать только каких-то два, исключая третий. Если же не действует вся формула, то мы вполне можем предположить, что щедрость возможна без какой-то связи с сознанием, то есть, возможна совершенно бессознательная щедрость, более того, такая щедрость, которая овладевает человеком внезапно, возможно, против его сознательных намерений, вмешивается в его планы и спутывает их. Опытным путём подобное бессознательное влечение открыл у человека выдающийся врач и основатель психоанализа – Зигмунд Фрейд. И особой заслугой его, как исследователя, является его готовность изменить свою концепцию под давлением неумолимых опытных фактов. До Первой Мировой Войны, как известно, Фрейд полагал, что преобладающим желанием у человека является либидо, концентрирующее в себе влечения к удовольствию, центральное место среди которых занимает сексуальное влечение. Второе базовое положение психоанализа заключалось в том, что сновидения, как и неврозы представляют собой способы удовлетворения желаний. Простейший пример, если человек во сне хочет пить, то в сновидении будет каждый раз видеть образ воды и в воображении своём удовлетворять своё желание. Более сложные желания более завуалированы в сновидениях и порой требуют длительного анализа, сравнения сновидения с другими сновидениями, с детскими воспоминаниями и травматическим опытом, чтобы понять их значение, то есть то, какое желание за ними скрывается. Невроз действует таким же спосо-

бом, только здесь желание всё-таки удовлетворяется вполне реально. Если во сне мы хотим пить, то напиться мы там всё равно не можем и рано или поздно должны пробудиться. Но важно то, что, поскольку это желание во время сновидения подавлено, то оно принимает самые причудливые и далёкие от действительности завуалированные формы удовлетворения. Человек может видеть уже не стакан воды, а озеро, в котором ему хочется искупаться, дождь, огромные сосуды с водой и т. д. Если бы во время бодрствования желание пить также могло быть подавлено и переключено на что-то другое, то оно маскировалось бы аналогичным образом. Но есть другие желания, которые могут быть подавлены, и часто это именно сексуальное влечение, которое в силу этого принимает форму завуалированную, то есть, форму нервоза, и удовлетворяется именно в переносном, сублимированном значении.

После Первой Мировой Войны Фрейд сохранил это базовое положение относительно неврозов и сновидений, но под давлением опытных фактов вынужден был отказаться от первого положения, согласно которому все желания так или иначе устремлены на получение чего-то, на насыщение или чувство удовольствия. Огромное количество клиентов демонстрировали странное стремление не получить что-то, а погибнуть, уничтожить себя. Их сновидения снова и снова возвращали их к травматическому опыту, полученному на войне, где они подвергались опасности быть убитыми. На-

пример, солдаты, получившие ранение на войне, во сне часто снова и снова возвращались к воспоминанию о своём ранении, когда они были на грани жизни и смерти. Это никак не объяснялось стремлением к удовольствию, что и побудило Фрейда написать своё сочинение «По ту сторону принципа удовольствия». Здесь он впервые говорит о другом типе невроза, который возникает не из стремления к удовольствию, а который возникает из подавленного бессознательного желания погибнуть, дремлющего в глубинах психики. Такие неврозы позже получили название «неврозов навязчивых повторений». Человек снова и снова в завуалированной форме повторяет свой травматический опыт, чтобы снова почувствовать себя на пороге смерти.

Только такой невроз уже никак не является комфортным, он не доставляет удовольствия, он, если верить Фрейду, представляет собой именно стремление к ничто, то есть к тому состоянию, когда человек не испытывает ни боли, ни удовольствия. Если бы это бессознательное влечение представляло собой расточительство, то оно в принципе не могло бы вызывать неудовольствие. Неудовольствие может появляться после разорения, как сожаление о утраченном, но Фрейд говорит о влечении, которое может мучить человека, и всё же он остаётся верен этому влечению. Это больше похоже именно на щедрость, как добродетель. Действительно, добродетельный человек совершает что-то против своего «хочу», зачастую вопреки своему удовольствию жертвует

чем-то. Но такая щедрость всё-таки является сознательной. Фрейд же говорит о бессознательном влечении. Стало быть, тут вообще речь про что-то третье, что не является ни щедростью в известном смысле, не расточительством, что может быть названо бессознательной щедростью или эксплозивной волей. Разница между щедростью и расточительством появляется только в сознании, бессознательно между ними вообще нет разницы. Любое расточительство может быть общественно полезно, например, МанDEVиль в известной «Басне о пчёлах» утверждал, что расточительство всегда имеет общественную пользу, оно создаёт рабочие места, стимулирует спрос. С другой стороны, и щедрость легко переходит в расточительство, ведь человек азартен, он может увлекаться, забываясь в своей щедрости и из сознательных пожертвований перейти к бессознательному разорению себя.

Дальше следовало бы предположить, что невроз возникает не из бессознательного стремления к удовольствию, а из стремления избежать боли, и психика знает два пути удовлетворения такого стремления: удовольствие и смерть. И важно отметить, что оба этих стремления являются совершенно эгоистическими. Влечение к смерти, поскольку оно является невротическим, является эгоистическим. И Фрейд пишет об этом, что каждый человек стремится не просто умереть, а умереть каким-то своим, уникальным способом. Уникальный травматический опыт подталкивает человека исключительно к какому-то одному, близкому именно ему

сценарию гибели. В конце концов, человек жертвует собой, и, возможно, тем самым спасает кому-то жизнь, но вместе с тем он лишь удовлетворяет своё внутренне невротическое желание. Но бывает ведь и совсем наоборот. Человек стремится к гибели и других людей увлекает к такому же сценарию. Например, командир какого-то военного подразделения, увлекаемый стремлением к гибели, вместе с тем тянет за собой на смерть всех своих подчинённых. Вместе с тем, они могут желать умереть совсем не так, как их командир, их посттравматический стресс может быть совсем другим, и им совсем не хочется жертвовать собой именно таким способом. Что в таком случае говорит им командир? Как он мотивирует их выполнить такой приказ? Но здесь мы уже не найдём ответа у Фрейда, но ответ на такой вопрос вполне даёт указанный выше научный эксперимент.

Как уже было сказано, выводы доктора Фрейда не во всём совпадают с выводами научного эксперимента выше и расходятся в одном принципиальном вопросе. У Фрейда получается, что навязчивые повторения и посттравматические сновидения непременно причиняют страдания, они мучают. Эксперимент С. Парк показывает некоторую активацию нейронов счастья в мозгу человека, когда он проявляет щедрость, то есть, тоже что-то теряет, отдаёт. Заблуждение Фрейда, судя по всему, связано с тем, что он объясняет происхождение невроза воздействием внешней среды, и травматический опыт так или иначе является результатом трав-

матического и внезапного воздействия этой внешней среды на человека. Внезапность по Фрейду здесь представляет как раз то, от чего человек пытается защититься при помощи невротических навязчивых повторений. Страхом он защищается от испуга, то есть, пытается предупредить внезапность испуга, сделать его ожидаемым, лишить его внезапности. Но, если следовать новейшим научным экспериментам, то мы должны признать скорее правоту ранней фрейдовской теории невроза, что невроз всё-таки даёт удовлетворение желаний в чём-то приятном. Стремление к смерти в таком случае не будет уже никак зависеть от внешнего травматического опыта, оно будет дано уже само по себе, от рождения, и от рождения же оно будет уникальным, то есть, эгоистическим. Но именно из-за эгоистичности этого влечения человек не может в любой момент удовлетворить его. Если мы вспомним, что писали античные стоики, например, Сенека, то увидим у них такие слова: «Нам открыто множество ворот, ведущих на свободу» (Письма, 12.10); «из самого жестокого рабства всегда открыт путь к свободе». «Оглянись: куда ни взглянешь, всюду конец твоим несчастьям. Видишь вон тот обрыв? С него спускаются к свободе. Видишь это море, эту речку, этот колодец? Там на дне сидит свобода. Видишь это дерево? Ничего, что оно полузасохшее, больное, невысокое: с каждого сука свисает свобода. Посмотри на свою глотку, шею, сердце: все это дороги, по которым можно убежать из рабства... Ты спрашиваешь, какой леще путь ведёт к сво-

боде? Да любая жила в твоём теле!».

Выходит, Сенека не учитывал, что стремление к смерти является эгоистическим, и каждый человек хочет покончить с собой уникальным способом. Стало быть, из всего широкого перечня «путей к свободе» у Сенеки каждый человек может выбрать какой-то один способ, да и то, тот будет только очень отдалённо приближать его к его бессознательному желанию. А раз так, то, как учит доктор Фрейд, психика должна пытаться удовлетворить это желание в завуалированной форме, то есть, как он выражался, сублимировать его. Бессознательную щедрость можно рассматривать, как такую вот сублимацию влечения к смерти, дарение – это отнятие чего-то от себя, возможно, какой-то важной своей части. И если осознанную щедрость ещё можно рассматривать как пожертвование на пользу других, то бессознательная щедрость, приходящая внезапно, времени прихода которой человек может вовсе не знать, никак не может быть жертвой ради пользы других, никак не может быть альтруизмом. Это именно эгоистическая щедрость, это невротическое удовлетворение влечения к смерти. Если я жертвую чем-то, то делаю это исключительно ради активации нейронов счастья в своём мозгу, а не ради других людей, то есть, это всё равно эгоизм, присвоение чего-то здесь не является самоцелью, а является лишь средством для дарения. Физиологически активацию нейронов счастья можно объяснить некоторым внутренним торжеством организма над смертью. Ведь полу-

чается, что таким способом он как бы обманул собственное влечение к смерти, сублимировал его и остался жив. И всё это: влечение к смерти, его сублимация в невротическую щедрость и чувство удовлетворения от этой щедрости происходит совершенно бессознательно, а, стало быть, может быть присуще и животным. Это объясняет щедрость в поведении животных, обнаруженную в экспериментах Франса Вааля. Один раз, возможно, случайно пережив такую сублимацию, и испытав ощущение счастья от неё, организм бессознательно будет стремиться снова и снова повторить условия, в которых он находился, испытывая счастье. Едва ли живая особь будет от этого отдавать себе отчёт в том, в какой опасной близости от смерти она находилась, когда испытывала такое счастье. Кто знает, что испытывает антилопа за секунду до того, как её горло бывает разорвано когтями хищника? Возможно, она испытывает триумф от того, что в который раз убегает от опасности.

Но в таком случае следует задаться вопросом, почему же пациенты Фрейда не испытывали радость, а именно страдали от посттравматического стресса испытывали тяжелейшее беспокойство от своих сновидений? Объяснить это можно, принимая во внимание именно бессознательный характер щедрого влечения и в связи с этим внезапность его действия. Человек, находясь в полном сознании, трудится, зарабатывает какие-то деньги, приобретает какое-то имущество, но в некоторый момент у него включается бессозна-

тельная щедрость, и он неожиданно для самого себя ударяется в расточительство. Возможно, это происходит под воздействием некоторых внешних стимулов, которые как лампочка в экспериментах Павлова с собаками, включают определённый условный рефлекс. Если есть такие триггеры у условных рефлексов, то вполне возможно, что есть такие, которые включают действие дремлющих безусловных рефлексов. Но такие триггеры представляют набор сигналов, уникальных для каждой живой особи. Ряд этих сигналов вычисляются вполне легко, поскольку представляют собой набор сексуальных стимулов, которые в мужчине пробуждают бессознательное стремление к щедрости во время полового возбуждения, а у женщины активируется во время беременности. Наверняка есть такие стимулы, которые активируют и стремление к самопожертвованию и напроочь снимают страх смерти. Разумеется, бессознательная щедрость тоже требует приложения некоторых усилий, к которым человек, например, может быть совершенно не готов. Например, привыкнув выполнять какой-нибудь один вид работы, организм может утратить способность к бегу, и когда от него потребуются, как от марафонского бегуна Фидиппида, пробежать до города на пределе сил, чтобы сообщить о победе армии, он может не справиться с этой задачей, как справился погибший в результате забега Фидиппид. Отсюда можно сделать вывод, что если человек не будет физически готов к внезапным бессознательным порывам щедрости, то он либо во-

все не способен будет на щедрость, либо в конечном итоге, проявив её, тут же раскается. В данном случае речь идёт о раскаянии тоже как о некотором бессознательном ощущении, которое может никак не осознаваться, но нередко стоит именно за скупостью, за сознательной волей к наживе любой ценой. Теперь, если мы рассмотрим ближе посттравматический стресс, с которым имел дело Фрейд, то увидим здесь такое же бессознательное раскаяние в собственном расточительстве из-за физической и психической неготовности к нему. Это раскаяние в конечном итоге причиняет страдания и становится причиной беспокойных сновидений.

Ведь нужно учитывать, что представляла собой Первая Мировая война, на момент которой уже существовали Женевская и Гаагская конвенции, которые устанавливали правила ведения войны прежде всего в трёх аспектах: необходимость бережного обращения с гражданским населением, великодушного обращения с пленными и отказ от применения некоторых, особо разрушительных видов вооружения. Все эти три пункта систематически нарушались, и такое нарушение психологически можно проследить как результат раскаяния в собственной щедрости. Только в данном случае щедрость принимают форму некоторого договора, обещания, данного своему возможному врагу, взятые на себя обязательства по великодушию. В конце концов, именно нарушение этого договора является военным преступлением, также как уголовное преступление является нарушением закона,

а должностное преступление представляет собой нарушение должностным лицом устава своего учреждения. Должностное преступление не представляет собой чего-то неэтичного и негуманного, оно лишь нарушает формальный устав. Военное преступление тоже нарушает формальное обещание, но такое формальное обещание проявлять великодушие имеет ключевое значение для бессознательной щедрости. Это обещание и представляет собой ту самую необходимую тренировку духа, которая позволяет в нужный момент быть готовым к проявлению бессознательной щедрости. Обещание требует публичности и также проявления некоторого рвения к его выполнению, это рвение в свой черёд будет тренировать те функции организма, что отвечают за реализацию бессознательной щедрости. Если задаться вопросом, почему же всё-таки эти обещания нарушались, то, судя по всему, причину следует искать в самом тогдашнем глобальном мироустройстве, когда мир был поделён между несколькими империями (так называемый многополярный мир), каждая из которых базировалась на принципах, далёких от чести и уважения к врагу. Соревнование империй за колонии – это не та форма соревнования, которая допускает глубокое уважение к врагу. Например, те страны, что имели преимущество на флоте, охотно пользовались этим преимуществом, чтобы обстреливать противника с безопасного расстояния, не выступая в ближний бой. Понятное дело, что такие атаки с моря приводили к большим страданиям среди гражданско-

го населения, обитающего в прибрежных городах.

Итак, зафиксируем это. Смысл Женевской конвенции, как и прочих ей подобных, заключается вовсе не в гуманизме и не в гуманном способе ведения войны, как декларировалось в официальных документах, а в тренировке способности к бессознательной щедрости, должной избавить от посттравматического стресса. Подобные правила ведения войны известны с глубочайшей древности, и явно прослеживаются уже в древней Греции. Тренировка бессознательной щедрости чем-то напоминает невроты навязчивых повторений, которые Фрейд как раз считал проявлениями влечения к смерти. Но теперь такие навязчивые повторения вовсе не обязательно должны причинять страдания, они могут быть и источниками радости, если они именно тренируют, заощряют организм для внезапных бессознательных щедрых порывов. Это чем-то напоминает невроты избытка здоровья, которые неоднократно упоминал Ф. Ницше в своих поздних сочинениях и даже составил специальные предисловия к ранним сочинениям, где тоже упоминал невроты избытка здоровья. Если говорить про мирное время, то можно сказать, что правила этикета являются аналогами правилам ведения войны и также служат цели тренировки способности к бессознательной щедрости.

Также феномен раскаяния в собственной щедрости позволяет нам понять, почему всё-таки воришка или какой-то иной преступник не может быть назван счастливым челове-

ком, хоть он и способен, как было показано в начале, на эгоистическую щедрость. Для начала нужно сказать, что мы вообще использовали очень отвлечённый пример преступника, который в развитом обществе вряд ли можно встретить. Здесь вор должен скрываться, он не может сделать публичное обещание что-то украсть и подарить украденное, тем самым снимается главное условие эксперимента: публичное обещание щедрости. Но можно представить себе целые народы, например, кочевников, которых раньше было довольно много, а сейчас осталось крайне мало, для которых украсть что-то у оседлого населения – это считается большой заслугой. Такие вполне могут делать обещание щедрости, но и они, судя по всему, не будут счастливыми, поскольку их эгоизм щедрости будет иметь разовый характер. Из-за отсутствия этикета, то есть тренировки себя для бессознательной щедрости, без должного воспитания жители таких племён будут обречены на раскаяние в собственной щедрости, которое со временем будет захватывать их всё больше. Это в свой черёд будет делать преступника всё более скупым, он всё больше будет требовать ответной платы за свои подарки. Нужно сказать, что эгоизм щедрости вообще не подразумевает обязательной взаимности, или, как ещё говорят – реципрокности, он требует только, чтобы его подарок был принят, чтобы им воспользовались. Но раскаяние в собственной щедрости заставляет требовать символического подтверждения того, что подарком воспользовались,

в конце концов это символическое подтверждение принимает форму ответного дара, который сначала является чем-то символическим, а затем всё больше начинает сравниваться в цене с отданной в подарок вещью. Следует учитывать и то, что труд и соперничество за обладание какой-то вещью часто настолько захватывают человека, что ему уже становится и некогда тренировать собственную бессознательную щедрость. К тому же, это может снизить производительность труда, что в индустриальном обществе является аргументом против подобной траты времени. Вместе с тем, в Античности был известен ряд практик, направленных на такую тренировку, и особенно обязательной она была для политиков, для тех, кто избираются на какие-то должности. Иногда такой тренировкой является уже сама процедура назначения, если на должности лица назначаются по жребию, что в Античности тоже было не редкостью.

Ну и, конечно, стоит упомянуть о бессознательном раскаянии в собственной щедрости у философов, что имело настолько важное значение, что до сих пор ещё оказывает влияние на современные нейронауки. Вспомним даймона Сократа, его внутренний голос, который действовал очень специфически. Вроде бы это был голос бессознательного, очень похоже на бессознательное влечение. Но бессознательное влечение побуждает что-то делать, оно есть желание и толкает добиваться того, чтобы получить желаемое. Совсем иначе действует даймон Сократа, он вступает в дело каждый раз,

чтобы отговорить что-то делать, чтобы отбить желание. Это очень напоминает бессознательное раскаяние в собственной щедрости, тормозящий рефлекс, блокирующий деятельность. Известно, как Сократ пренебрегал правилами этикета, так что нет ничего удивительного в том, что он мог страдать от раскаяния в щедрости. Поэтому он должен был найти другой источник счастья, вовсе не имеющий отношения к эгоистической щедрости, а больше связанный с деятельностью разума. Для это счастье было приравнено к добродетели, отсюда непременно должна была родиться теория, что недобродетельный и неразумный является также и несчастным. Эта точка зрения плотно укоренилась и в современных нейронауках, которые порой вообще доходят до того, что разделяют человека на две сущности: мозг и личность. Мозг в их видении предстаёт некоторым вредителем, ведь он заставляет расточать себя, он вынуждает отдавать, а не брать, хотя с точки зрения самосохранения личности выгодно как раз брать, а не давать, или, как минимум, не растрачивать себя попусту. Мозг же никак не подчиняется этому правилу. Но если уж не удаётся подчинить мозг нуждам личности, то нейронауки пытаются объяснить это расточительство, как некоторую добродетель. Но как было показано выше, для этого нет никаких оснований, и психотерапия должна двигаться совсем в другом направлении, а именно – в направлении тренировки человека для готовности к внезапным порывам бессознательной щедрости.

ГЛАВА 2

ТЕОРИЯ СТОИМОСТИ И ЧАСТНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Тренировка готовности к бессознательной щедрости (эксплозивной готовности) подразумевает не только физическую готовность собственного тела, что тоже немаловажно, но также и некоторую часть частной собственности, которая добывается специфическим путём и предназначена для поднесения кому-то в дар. Такая собственность будет полностью удовлетворять условиям эксперимента только в том случае, если не будет добываться тяжёлым трудом и не будет получена в борьбе за её обладание. При этом следует рассмотреть сам феномен частной собственности, а затем рассмотреть указанную выше собственность, как её частный случай. В значительной степени частная собственность возникает из особенностей человеческой психики. Человеческий разум, подразумевающий способность считать большие числа, читать, писать, творить сложные предметы и многое другое, имеет и обратную сторону, своего рода побочный эффект, который возникает из-за такой разумности. Этот побочный эффект – склонность к манипулированию. Удовольствие от манипулирования человек способен получать ещё в самом раннем возрасте, например, взрослый легко может

успокоить плачущего ребёнка, если притворится его марионеткой и позволит ездить на себе верхом или возьмёт игрушку и начнёт использовать её, как марионетку. Такая склонность к манипулированию в зачаточной форме наблюдается и у прочих высших приматов, что говорит о развитом мозге. Но именно склонность к манипулированию является условием высокого интеллекта человека по отношению к остальным животным.

Человек не выжил бы, если бы не научился использовать шкуры других животных, как одежду, а это манипулирование телом животного. Умение влезать в чужую шкуру, мимикрировать и даже копировать поведение животных и других людей обеспечило успех человеческому виду, это же стремление развило его интеллект. Можно сказать, что человек – это цитирующее животное. Процесс цитирования так или иначе требует высокого интеллекта. Впрочем, нужно сказать, что, если бы человек только манипулировал, а сам никогда не был марионеткой, его интеллект так не развился бы. Оказываясь в роли чьей-то марионетки, человек также перестраивается и изменяет своё мышление, и даже в большей степени, чем, когда манипулирует он сам. Если манипулирует он, то от этого ещё мало зависит его индивидуальное выживание. Если манипулируют им, то, будь он плохой марионеткой, он рискует быть вовсе убитым, и только хорошая служба позволяет ему сохраниться достаточно долгое время.

Кант в своё время такую склонность к манипулированию

вообще назвал источником всякой безнравственности. Действительно, какое бы преступление мы не взяли, мы всегда будет видеть за ним либо стремление манипулировать чужим имуществом, либо стремление манипулировать чужим телом. Но вместе с тем, когда человек манипулирует вещью, он её меняет и преобразует, он учится обрабатывать дерево и металлы, создавать сложные орудия, строить дома и сложные производство. Всё это результат манипулирования вещами и проявление уже разумной деятельности. Кант считал, что разум как раз представляет что-то противоположное стремлению манипулировать, его категоричный императив – это врождённая разумность, которая велит относиться к другому человеку не как к средству, а как к цели. Вместе с тем, именно разум является причиной того, что человек манипулирует, и он легко переносит свои манипуляции с вещей и животных на других людей. Источник нравственности легче найти в чём-то противоположном и максимально далёком от разума, в какой-нибудь психически примитивной жизни, у травоядных животных, не имеющих ещё мозга, а лучше и вовсе у растений, питающихся солнечным светом и водой. Кант же пытается найти выход в разделении разума на составляющие, одна из которых допускает манипулирование другим человеком, а другая составляющая, напротив, к другому человеку всегда относится, как к цели. Но в таком случае уже не имеющие мозга организмы, которые с точки зрения нравственности выглядят самыми невинными, как

уже упомянутые растения, должны быть признаны порочными и безнравственными. Здесь кантовская связка нравственности и разумности больше всего вызывает сомнения.

Вместе с тем, допуская стремление к манипулированию неотъемлемой частью человеческого разума, мы вынуждены допустить, что прогресс, материальный комфорт, экономическое благополучие человека проистекают из того же побуждения, что и тирания – из желания манипулировать. Только в одном случае происходит манипулирование вещами и прочими живыми организмами, а во втором случае – манипулирование уже другими людьми. Для древних людей часто гнёт собственных тиранов смягчался за счёт религии. В значительной степени боги представляли собой ту силу, которая стоит над тираном и манипулирует уже им. Вера в такое божественное проведение в значительной степени облегчала тяжесть от осознания себя марионеткой царя. Возможно, в этом как раз заключается причина происхождения религий, как таковых. Жрецы разных религий были единственными, кто могли заставить тирана устрашиться, поскольку сами они были убеждены, что над ним есть некоторый господин, который страшнее самого тирана, и это избавляло их от страха перед тираном, а ему в свой черёд внушало страх их бесстрашие.

Второй известный способ избавить себя от гнёта манипулирования – это уже искусство, в смысле ремесла. Ремесло, то есть, умелое манипулирование вещами в значитель-

ной степени являлось утешением при тирании, а вместе с тем могло организовать людей так, чтобы они вовсе стремились манипулировать только вещами, а не друг другом. Нужно только обучить большинство людей какому-нибудь ремеслу, и специальность будет позволять им больше манипулировать вещами, чем друг другом. Но даже если тирания всё-таки установится, умелый ремесленник легче перенесёт её благодаря своему ремеслу. Дело в том, что часто человек, которым кто-то манипулирует, находит себе утешение тогда, когда сам в свой черёд начинает кем-то или чем-то манипулировать. Отсюда идущие с древних времён обряды козла отпущения, когда всё общество обрушивалось с травлей на одного человека, зачастую на довольно слабого, чтобы обвинить его во всех своих бедах. Обряд жертвоприношения богам, хоть и был связан больше с религией, но, тем не менее, наверняка имел и второй смысл, связанный именно с безнаказанным манипулированием телом другого человека. Ремесленник в нашем случае, испытывая на себе гнёт вышестоящих, вместе с тем, всегда находил утешение, причём самое безобидное для всех утешение именно в своём ремесле, то есть, в манипулировании вещами. Итак, мы уже нашли два, известных с глубокой древности, способа человека защититься от тирании: религиозный (объявить себя и своих вождей марионетками богов) и ремесленный (манипулировать вещами, а не людьми). Сложно представить, что есть какой-то третий. Во всяком случае, все сторонники демо-

кратии так и представляют себе положение вещей. Они полагают, что ремесло и обучение всех ремеслу является лучшей и самой действенной защитой от тирании. Действительно, этот способ куда более приятный, чем религия, и допускающий даже свободу. Да, технически этот способ сложнее, и в аграрном обществе его осуществить вовсе будет почти невозможно. Чтобы этот способ был эффективен, общество должно быть индустриальным, то есть, большинство населения должно жить в городах, а не в деревнях, и зарабатывать себе на хлеб ремесленным, а не крестьянским трудом. Крестьянский труд, конечно, тоже представляет собой манипулирование вещами, а также домашним скотом и растениями, это тоже своего рода искусство. Но в этом искусстве человек не может упражняться круглый год, поскольку работа зависит от смены сезонов, а орудия, которыми трудятся крестьяне, особенно сложные металлические орудия, всё равно изготавливаются в городе. Вероятно, причиной индустриализации стало именно стремление человека к свободе, и процесс этот был тесным образом связан с революциями в Европе.

И всё-таки, есть ещё третий способ защититься от тирании. Дарение кому-то подарка – это тоже в какой-то мере манипулирование, дарящий требует, чтобы подарок был принят и был как-то использован. Вопрос, кем здесь манипулирует дарящий: вещью, тем, кого одаривает, или позволяет собой манипулировать? В какой-то степени здесь, видимо,

присутствует и первое, и второе, и третье. Человек и тот, кому он дарит подарок, как бы манипулируют вещью, дарящий чувствует себя счастливым от дарения (согласно условиям эксперимента), но и вместе с тем покоряется чьей-то воле. И в то же время получивший подарок, то есть, некоторую выгоду, тоже подчиняется чьей-то воле. Тем самым совершенно снимается неприятный эффект от манипулирования и все стороны остаются удовлетворёнными. Хотя манипулирование может возникнуть, когда дарящий начнёт требовать ответный подарок, если же он этого не делает, то он остаётся в рамках некоторой игры, где все стороны довольны, и ни одна не чувствует себя ущемлённой. Тот, кто получает подарок, вроде бы находится в подчинённом положении, но он получает выгоду, а вот тот, кто находится в превосходящем положении, вместе с тем лишает себя некоторой материальной выгоды. В целом все участники такого дарения становятся на службу Судьбе, случайного жребия, который одних сделал богаче, а других беднее. Элемент случайности делает подарок именно подарком. Если человек делает подарок, зная или рассчитывая получить что-то взамен, то это не подарок, а купля-продажа. И только если он рассчитывает, что в зависимости от случайных обстоятельств может получить что-то взамен или не получить, и принимает это условие, то можно говорить именно о подарке.

Такие случайные обстоятельства уже нельзя называть провидением и нельзя за ними поставить бога, управляю-

щего участниками процесса. Здесь Судьба возникает именно как слепой жребий, она сама действует бессознательно, в ней нет никакого замысла. То есть, если представить, что в данном случае людьми кто-то манипулирует, то этот кто-то никак не разумный бог, а, скорее, неразумное животное, причём примитивное, травоядное с простейшей психикой. Во-первых, такой манипулятор не будет просто понимать тех, кем манипулирует, поскольку они являются разумными и на порядок сложнее психически. Во-вторых, такой манипулятор и сам, поскольку не является разумным, не будет получать никакого удовольствия от манипулирования и, по сути, будет вмешиваться в жизнь своих подчинённых только для того, чтобы помешать им сильно навредить друг другу и самим себе. Такая Судьба, связанная со случайным жребием, никак не может представлять собой предопределение. Предопределение возможно, только если оно исходит от разума, то есть, в конечном счёте от божества, обладающего разумом. Если же свою волю диктует существо неразумное, то оно никогда не будет прописывать каждый ход, оно не будет манипулировать, оно будет только ограждать от чрезмерных страданий, делая смерть минимально мучительной или даря счастье. Ведь даже неразумное существо не лишено сочувствия и не может оставаться безразличным к чужой боли. Получается, что во время дарения и вовсе нет никакого манипулирования, есть лишь его имитация, люди делают вид, что покоряются какому-то бессознательному высше-

му существу, которое физически не может ими манипулировать. И это даёт некоторое ощущение освобождения. Покоряясь такой воле, которая есть случайный жребий, человек вместе с тем не покоряется той воле, что может им манипулировать. Даря подарок и принимая его, он тем самым словно вырывает себя из порочного круга манипулирования, и даже не нужно уже манипулировать вещами для облегчения собственной участи. Но, как показывает эксперимент, такое возможно, если с предметом, предназначенным для подарка, можно легко расстаться, если он не достался путём манипулирования, то есть, тяжёлого труда или борьбы за обладание им.

Итак, легко догадаться, что именно из стремления человеком манипулировать вещами возникла частная собственность. Но вместе с тем часть этой собственности могла возникнуть исключительно как нечто, что предназначено для дарения. Ведь если щедрость охватывает человека бессознательно, то он должен иметь при себе немного имущества сверх того, чем ему необходимо для жизни, чтобы в момент прилива бессознательной щедрости не разорить себя и не остаться с ничем. И, разумеется, эта третья часть тоже должна закладываться в стоимость вещей и влиять на ту цену, по которой собственность продаётся или покупается. То есть, в простейших сделках купли-продажи был уже заложен элемент дарения, то есть, случайного жребия, что несколько повышало цену на товар по отношению к той цене, кото-

рую он имел бы, если бы предназначался только для обмена на другой товар.

Рассмотрим, из чего, собственно, складывается стоимость товара. Здесь мы можем себя избавить от необходимости проводить долгие исследования и приводить огромный массив сложной информации, поскольку всё это было сделано и так уже в многочисленных книгах, среди которых столпом стоит книга Адама Смита. Итак, Смит разделяет стоимость товара на три составляющих: 1) труд рабочих, производших этот товар, 2) прибыль предпринимателя, отвечающего за доставку товара из места производства до места продажи, 3) земельная рента, которую предприниматель платит за аренду помещений и земли её владельцу, покупая себе право пользоваться этой землёй. Теория Смита называется трудовой теорией стоимости, поскольку значительная часть стоимости товара складывается именно из труда рабочих и предпринимателей, и товар стоит почти столько, сколько стоит труд, затраченный на его создание. Вместе с тем, земельная рента никак не объясняется трудом, да и земля не может быть произведена трудом человека, она просто есть, как данность. Эта третья часть стоимости товара у Смита никак не объясняется, она никак не следует из труда и не понятно, откуда вообще следует. Между тем, предприниматель должен платить владельцу земли деньги за право делать на этой земле своё дело. Получатели ренты не обязаны делать ничего, они не вкладывают ни капли своего труда

в свою землю, но получают долю от чужих трудов.

Многие экономисты обратили внимание на это тёмное пятно в экономическом учении А. Смита, например, Карл Маркс. Он пришёл к выводу, что эта третья составляющая стоимости товара представляет собой элементарно узаконенный грабёж. Так Маркс пытался логически завершить трудовую теорию стоимости, то есть, показать, что стоимость всех вещей, включая стоимость земли, формируется из труда, и стоимость земли зависит от ренты, а вовсе не рента от стоимости земли. Таким образом действительно получалось, что товар стоит ровно столько, сколько стоит труд, потраченный на создание этого товара. Но часть этого труда прямым насилием или обманом похищалась у производителей. Эту часть Маркс назвал прибавочной стоимостью. Предприниматель, выплачивая ренту, терял часть своих доходов и эту часть компенсировал за счёт понижения заработной платы рабочим. И всё это в конечном итоге повышало стоимость товара. Маркс доказывает, и на наш взгляд, вполне убедительно, что рента вовсе не сводится к земельной ренте. В развитом капиталистическом обществе получателями ренты становятся не графы и герцоги, имеющие наследственные земельные владения, а сами предприниматели, точнее, наиболее крупные предприниматели. Добравшись до определённого порога имущества, предприниматель свои доходы начинает получать не за счёт чистой прибыли, а за счёт уже некоторой ренты, которую он накладывает

на других, более мелких предпринимателей. Например, владея сырьевыми ресурсами, такой предприниматель уже перестает заниматься доставкой этих ресурсов до места продажи. Теперь покупатели сами приезжают к нему и сами занимаются доставкой купленного товара до нужного им места. Владелец же, ничего не делая, получает ренту за проданный товар. Вполне можно допустить, что во времена Маркса капиталистические отношения именно так и выстраивались, и рента действительно стала представлять собой узаконенный грабёж. Но вот относительно более ранних форм ренты далеко не во всем можно согласиться с Марксом и с трудовой теорией стоимости.

Чуть позже мы коснёмся других теорий стоимости, которые не считали, что стоимость формируется из труда. Эти теории, как правило, вовсе игнорировали вопрос происхождения ренты, как будто бы она сформировалась естественным путём. И хотя они являются сторонниками рыночной экономики, всё-таки, концепцию невидимой руки рынка впервые предложил А. Смит, и именно его перу принадлежит самая ранняя и убедительная апология рыночной экономики. Поэтому будем опираться преимущественно на трудовую теорию стоимости, пытаясь, вместе с тем, выйти за её границы. И именно понятие ренты представляет такой выход. Завершённая трудовая теория стоимости возможна только в том случае, если мы примем обобщение Маркса о том, что вообще во все времена, с глубокой древ-

ности и до наших дней рента представляла собой форму узаконенного грабежа. Но в силу всего вышесказанного, этого мы принять не можем, и мы должны допустить ещё один вид ренты, который возник для того, чтобы была возможна бессознательная щедрость. Эту ренту могла составлять та часть имущества, которая с самого начала предназначена для дарения. Простейший пример – налоги государства. Налоги можно тоже рассматривать, как ренту. Правительство владеет всей землёй, на которой находится его государство, и на основании этого облагает налогом всех, кто имеют имущество на этой земле. Но эти налоги могут тратиться на выплату пособий бедным, на создание рабочих мест, на выплаты пенсий. Иными словами, цель здесь будет не присвоение, не узаконенный грабёж, а, напротив, дарение. И это дарение будет заложено в цену товара.

Адам Смит предпринимает какую-то попытку объяснить происхождение земельной ренты из труда, но здесь он попадает в противоречие. Ведь как он верно отметил, у товара есть две стоимости: потребительская и меновая стоимость. Эти две стоимости отличаются. Например, предприниматель старается продать товар по цене выше его потребительской стоимости, чтобы извлечь ещё некоторую прибыль для себя. Меновая стоимость здесь будет выше потребительской. У земли, сдаваемой в аренду, получается, есть только меновая стоимость, то есть, стоимость, по которой она продаётся, и которая зависит от аренды, которая платится за землю.

Потребительской стоимости у земли нет, а если и есть, то вычислить её, исходя из труда, не представляется возможным. Земля не создаётся человеком, это товар, в чистом виде не зависящий от человеческих рук, и потребительская стоимость этого товара тоже не зависит от усилий человека. Но Смит продолжает настаивать, что стоимость товара связана со стоимостью труда, только теперь уже не труда, потраченного на его создание, а труда, который потрачен на его покупку. То есть, это меновая стоимость земли на рынке, это то, что за неё готовы платить, а не стоимость тех усилий, что были потрачены на её производство. Тут как бы вмешивается здравый смысл, интуитивно мы понимаем, что у земли нет потребительской стоимости и потому вынуждены оценивать её стоимость тем способом, каким её возможно оценить. Но ведь меновая стоимость связана с потребительской стоимостью товара. Меновая стоимость может быть больше, чем потребительская стоимость, и тогда речь идёт об убытке, или она больше, чем потребительская стоимость, и тогда можно говорить о прибыли. Относительно земли, получается, нет никакой возможности говорить о убытке или прибыли, меновая стоимость никак не зависит от потребительской стоимости и определяется как бы по произволу владельцев земли. Владелец земли может назначить любую цену за свою землю, и, если по этой цене землю у него кто-то купит, значит, это и есть реальная стоимость данной земли. Для всех остальных товаров базовой стоимостью является потреби-

тельская, а дополнительно к ней уже возникает меновая стоимость, для земли, получается, меновая стоимость становится базовой.

Из этого возникла другая теория стоимости, которую разрабатывали представители школы маржинализма. Они, взяв за основу ренту Адама Смита, сделали предположение, что вообще для всех товаров базовой стоимостью является меновая. Тем самым они решили противоречие Смита, но способом, полным противоположным способу Маркса. Если Маркс пытался свести ренту к потребительской стоимости и объяснить происхождение стоимости всех товаров из труда, то маржиналисты, наоборот, пытаются стоимость всех товаров уподобить стоимости земли и тем самым доказать, что стоимость вообще всех товаров никак не связана со стоимостью труда, потраченного на их создание. Если товар покупается по такой-то цене, стало быть, именно столько он и стоит. Ведь покупатель соглашается на покупку по такой цене, он заключает сделку, и он свободен выбрать другого продавца, который предложит ему цену ниже. Поскольку договор купли-продажи является добровольным, то и стоимость товара полагается легитимной. Но маржинализм сталкивается с другой проблемой, а именно, он никак не может объяснить стоимость самих денег. Почему именно такое количество монет или банкнот отдаётся за этот товар, а не какое-то иное? Ведь тот, кто обладает преимуществом на рынке, может задавать любую стоимость своих товаров, из-за чего сто-

имость валюты будет понижаться. Это будет влиять на стоимость всех товаров на рынке, ведь никто не будет покупать товар себе в убыток, и стоимость ренты, безусловно, будет включена в стоимость всех товаров. Либо предприниматели должны будут понижать свою прибыль, либо заработную плату рабочих. Получается, стоимость валюты устанавливается также по произволу, а вовсе не по добровольному договору.

У Смита стоимость денег напрямую связана со стоимостью труда. Если цена товара выросла, это значит, что стоимость денег понизилась, деньги совершенно не имеют своей потребительской стоимости, их стоимость исключительно меновая. Но ведь мы теперь видим, что в стоимости товара есть одна составляющая, стоимость которой определяется совершенно по произволу продавцов. То есть, владелец земли может повышать стоимость земли по собственному произволу, и это автоматически будет снижать стоимость денег. Отсюда выходит, что стоимость денег тоже в данном случае зависит не от труда, а от произвола. Из-за этого уже во времена Смита пользовалась успехом теория стоимости, которая, наоборот, полагала, что стоимость денег может устанавливаться произволом, но лучше, когда она устанавливается государством с учётом интересов жителей страны, как кредит на будущую прибыль, условно, как кредит на аренду земли. Стоимость денег в таком случае будет определяться по тому проценту, который банки дают на капитал, и который вклю-

чается как надбавка по оплате кредита. Стоимость земли в свой черёд будет определяться по стоимости денег. Смит возражал против таких теорий, но значительно после него они приобрели второе рождение трудами экономиста Джона Кейнса. Кейнс обратил внимание на тот механизм, при помощи которого в старые времена во всех странах ограничивали произвол землевладельцев, не позволяя им устанавливать любой размер ренты, какой им вздумается. Таким механизмом было понижение ставки по кредитам, различная валютная политика государства, которая влияла на само количество денег, которые находятся в обороте. Ведь землевладелец в конечном итоге не мог потребовать плату за аренду больше, чем ему могут заплатить, а предприниматель часто может заплатить столько, сколько ему дают кредита с учётом, что проценты он покроет с прибыли. То есть, предприниматель, рассчитывая, например, в следующем году выручить столько-то дохода, часть которого будет потрачено на выплату ренты, может позволить себе взять эту сумму в кредит и вернуть её в следующем году. Землевладельцы вынуждены ориентироваться на те условия, что предлагают их арендаторам банки и уже не могут назначить любую стоимость на товар, какую им вздумается.

Отсюда Кейнс предполагает, что вообще стоимость ренты всегда регулировалась за счёт кредитной политики и целенаправленных изменений стоимости валюты. Стало быть, стоимость всех товаров зависела в конечном итоге от стои-

мости денег и процента на кредит. Таким образом, из утверждений Кейнса следует, что в стоимость товара уже заложено некоторое дарение. Это может быть либо тот кредит, что государство даёт населению, когда создаёт новые рабочие места в сфере обслуживания. Сотрудники этой сферы ничего не производят, но они покупают на эти деньги продукты производства и тем самым стимулируют производителей производить больше и лучше. Вместе с тем, если предприниматели будут понижать своим рабочим зарплату, чтобы выплатить ренту, эти рабочие могут уйти работать в сферу обслуживания. Это не будет позволять арендодателям повышать ренту до заоблачных высот. Полная занятость населения или стремление к полной занятости, по Кейнсу, как раз защищают общество от такого непомерного роста ренты. Либо, как утверждает другой экономист – Томас Мальтус, дарение в стоимость товара закладывают уже сами землевладельцы. Они содержат большой штат прислуги, которой щедро платят со своей ренты. Нетрудовой доход позволяет расточительство, это вполне соответствует условиям эксперимента по эгоизму щедрости. В таком случае рента может быть довольно высокой, но эти деньги всё равно будут возвращаться обратно в экономику за счёт служащих, которые будут покупать себе товары. Модели Мальтуса экономисты уделяют недостаточно внимания, и мы вернёмся к ней позже. А вот модель Кейнса хоть и закладывает дарение в стоимость товара, но закладывается она туда не бессознательно,

а вполне осознанно. Сознательная щедрость – это либо альтруизм, либо мнимая щедрость, то есть, инвестиция. Альтруизм для экономики имеет мало значения, поскольку то, что делается для себя, а не для других – это и есть, собственно, экономика. Стало быть, Кейнс говорит о мнимой щедрости, которая представляет собой кредит, конечной целью которого является всё-таки прибыль. То есть, щедростью такой кредит становится лишь когда он не оплачивается, то есть, когда риск не оправдывается, в целом же предполагается, что риски должны в конечную единицу времени полностью компенсировать себя и выйти ещё в прибыль. С другой стороны, такая теория стоимости никак не объясняет происхождения земельной ренты и стоимости земли в условиях, где нет товарно-денежных отношений. Например, в древних государствах рента нередко выплачивалась зерном и прочим натуральным продуктом, стало быть, земля имела какую-то стоимость ещё до того, как она была оценена в деньгах. Да и странно было бы предположить, что без денег земля, способная родить хлеб, недра, быть пастбищем для скота, не имела бы никакой стоимости.

Так или иначе мы должны предположить, что стоимость земельной ренты в значительной степени определяется произволом, но это не значит, что её стоимость полностью базируется на доходе от насильственного присвоения. Какая-то рента действительно преследует лишь цель наживы на имуществе, захваченном силой или обманом. Но вместе с тем

исследования первобытных племён показывают нам возможность ещё одной ренты, целью которой является не присвоение, а дарение, и присвоение происходит ради цели дарения. Бронислав Малиновский воочию наблюдал ритуал обмена подарками между племенами на Тробрианских островах. То же самое наблюдал Марсель Мосс у племён индейцев в Америке. Значительная часть имущества присваивается вождями лишь для того, чтобы быть преподнесённой в дар другим вождям. Члены племени при этом тратят значительную часть своего времени на изготовление таких подарков, то есть, они своим трудом словно платят ренту. Из-за этого должна повышаться стоимость тех товаров, что они производят для продажи, поскольку за право что-то делать для продажи они должны платить ренту, стоимость товаров уже включает в себя эту ренту. Но таким образом, можно сказать, они защищают себя от внезапного разорения, поскольку теперь они полностью контролируют свою бессознательную щедрость. Если бы не было этой наценки на стоимость товаров, то, возможно, они вовсе не были бы произведены из-за постоянных внезапных саморазорений производящих индивидов. Фрейд внутреннее влечение к смерти и разорению себя объяснял, как защитную реакцию от внезапного испуга. Страх является защитой от испуга, он внутреннее подготавливает к тому, что может напугать. Этим Фрейд даже объяснял тревожные сны, где человек снова возвращался к ситуации испуга, то есть, к внезапному хлопку или взры-

ву, угрожающему его жизни или здоровью. Основатель психоанализа считал, что так испуг перестаёт быть внезапным, человек внутреннее уже готов к нему и не пугается, когда рядом происходит какой-то хлопок. Только такой механизм самозащиты Фрейд полагал бессознательным. В нашем случае для защиты от внезапных побуждений к расточительству человек использует сознательные практики, то есть ритуалы дарения. Таким способом он страхует себя от внезапного и непомерного разорения, и разоряет себя продуманно и умеренно, что позволяет избежать могущего последовать за внезапным и непомерным разорением раскаяния в щедрости и посттравматического стресса.

Ритуал дарообмена – это такая вот страховка от внезапности щедрости. Она представляет собой ту дань, что человек платит своему инстинкту щедрости, в древности – богам и духам, которые заставляют его разорять себя. И он тем самым добивается того, что такая щедрость доставляет ему радость, как в экспериментах по эгоизму щедрости, а не расстройство, как у пациентов доктора Фрейда. Рента здесь совершенно необходима, поскольку, только так можно приблизиться к условиям эксперимента, то есть дарить имущество, стоимость которого не определяется трудом. Вожди племени получают такую ренту и растрачивают её. При этом они не совершают насилия над своими соплеменниками, облагая их рентой, поскольку соплеменники включают эту ренту в стоимость тех товаров, что они производят для купли-продажи.

Они полностью компенсируют свой убыток и ничего не потеряют. Когда же вожди обменяют предметы, полученные в результате ренты и предназначенные изначально для дарения, а затем получают ответные дары, то эти дары они вернут в виде подарков уже своим соплеменникам, а те смогут подарить их ещё кому-то. Соплеменник получают эти вещи в дар, а не как плату за ту ренту, которую они заплатили своим трудом, и потому не чувствуют сожалений, раздаривая эти вещи. Хотя ответный подарок в обмене дарами между племенами необходим, но размер его точно не установлен и зависит от случайных обстоятельства, поэтому это нельзя назвать куплей-продажей. Таким образом, полный цикл дарообмена будет каждого вовлекать в обмен подарками и тем самым каждому давать возможность проявить щедрость. Остаётся только удивляться продуманности этого механизма, который тренирует эксплозивную готовность у каждого члена племени. Если бы всё было устроено иначе, если убрать один элемент, например, элиту и получаемую ей ренту, то удовлетворение для всех уже будет невозможным. Поэтому такие общества, практикующие ритуалы дарообмена, всегда были строго элитарными.

Предметы, которые обменивают в ритуалах дарообмена на Тробрианских островах, проливают свет и на происхождение денег, и на установление их стоимости. Дело в том, что предметы эти чаще представляют собой украшения: бусы и ожерелья, то есть, в практическом отношении вещи бес-

полезные. Возможно, некоторые изделия из металлов, включая драгоценные металлы, тоже поначалу представляли собой предметы для такого обмена. Их можно было обменивать только друг на друга, то есть, бусы обменивались на ожерелья, а ожерелья на бусы. Тробрианцы ещё не изготавливают подарков из металлов. А когда человека стал это делать, возможно, он и начал использовать данные предметы для обмена на те товары, что имеют какую-то ценность в практической жизни. Тем самым стоимость этих предметов возросла, они превратились в первые деньги, то есть, их стоимость стала зависеть ещё и от труда, и от стоимости товаров, на них покупаемых. А стоимость аренды земли в деньгах стала определяться уже в зависимости от того, сколько таких денег обменивалось в ритуалах дарообмена. Таким образом, рост стоимости денег привёл к падению стоимости земли и земельной ренты. Это, неизбежно, должно было вызвать недовольно крупных землевладельцев, возможно, на ранних этапах вожди даже указом запрещали использовать предметы, предназначенные для подарков, для купли-продажи. Но затем и они научились извлекать из этого выгоду, закрепив законодательно высокую стоимость своей земли в деньгах. Это, по сути, привело к возникновению государства, которое нередко на начальном этапе проходило через тиранию или в более мягкой форме – через монархию. Землевладельцы стали собирать денежный сбор с каждого чужеземца, который намеревается торговать на их территории. Денежная

сбор в данном случае и представляет собой плату за аренду, которую владелец земли взимает с чужеземца за право пользования своей землёй. Поскольку приток денег здесь происходит извне, а не изнутри от арендодателей из своего племени, то и стоимость земли не падает, а, напротив, только повышается в зависимости от размера импортного сбора.

Можно сказать, что государство возникает в тот момент, когда появляются импортные сборы и прочие меры нетарифного регулирования экономики (квоты, лицензии, компенсации за демпинг, ценовой контроль и т.д.). Такое регулирование суть экономические границы, которые как бы ставятся поверх географических границ и дают правителю право собирать со всех оптовых торговцев, ввозящих товар на его территорию и вывозящих с него. У племени есть только географические границы, своего рода ареал обитания его популяции, подобно пастбищу животных. В государстве поверх этого появляются экономические границы. Собственно, Адам Смит легко мог бы объяснить происхождение ренты, если бы не старался так объяснить её из труда. В его время ещё свежи были воспоминания о импортных сборах, и он вполне мог предположить, что именно они играют определяющую роль в размере ренты. В некоторых странах существовали и вовсе внутренние торговые сборы, когда какой-нибудь герцог или барон, никак не ставя в известность короля, взимал на своих владениях плату с каждого, кто намеревался ввезти туда товар или вывезти, даже если соби-

рался сделать это транзитом. Впрочем, по милости феодала для его родственников, друзей и просто тех, кому он хотел оказать любезность, размер сбора мог быть очень низкий, или сбор мог отсутствовать вовсе. Разумеется, для тех, кто жили и производили что-то на территории феодала, такое положение вещей в определённой степени сулило выгоду, поскольку они-то могли продавать товар без всяких сборов и имели преимущество перед иноземными купцами. К тому же, они могли рассчитывать ещё на расточительство феодала за счёт тех средств, что он получает за счёт импортных сборов и тратит на сферу обслуживания. Всё это можно рассматривать, как элементы щедрости, заложенные в стоимость. Адам Смит, нужно сказать, был противником таких импортных сборов и вообще противником всяких мер нетарифного регулирования экономики И всё-таки, когда это импортные сборы ещё существовали, в стоимости товаров всегда какую-то часть составляла рента на щедрость, представляющая собой эксплозивную готовность. И в стоимости денег тоже значительную и, пожалуй, самую загадочную, не поддающуюся исчислению часть составляла именно такая вот рента на щедрость. Более того, можно показать, что и при отмене импортных сборов такая часть в стоимости денег сохранилась, хоть и стала значительно меньше. В целом, можно сказать, что там, где присутствуют товарно-денежные отношения, в стоимость товара всегда так или иначе заложена часть, которую можно назвать некоторой страховкой от разо-

рения, воля к которому возникает бессознательно и не поддаётся исчислению. И чем больше эта часть, тем легче экономике избежать серьёзных кризисов и коллапсов. Остальная часть, то есть, самая большая часть стоимости товара, надо думать, формируется именно из труда, но сводить всю стоимость товара к труду, как делали марксисты, это значит обрекать свою экономику на крах. Советская экономика избегала такого краха только потому, что в значительной степени тоже существовала за счёт ренты, а именно, за счёт торговли на экспорт хлебом, нефтью и газом по рыночным ценам. Полностью объяснить стоимость товара из труда и невозможно, но трудовая теория стоимости в значительной степени верна, только следует дополнить её теорией страхования от бессознательного расточительства.

ГЛАВА 3

Импортные сборы

Наличие импортных сборов прежде всего означает, что политика, а вместе с ней зачастую и общество неотделимы от экономики. Вмешательство государства и общества в экономику долгие века никого не смущало и считалось чем-то в порядке вещей. Если какой-то купец намеревался продать свой товар в другой стране, то он всегда платил определённый сбор правительству этой страны. При этом купец из другой, третьей страны мог платить сбор больше или меньше, в зависимости от предпочтений правительства страны, в которую ввозится товар. Разумеется, такие импортные сборы были действительны только для оптовой торговли. Это можно назвать государственным регулированием, но только довольно условно, так как импортные сборы существовали ещё задолго до централизованных государств. Отдельные герцоги и бароны, а прежде них и вовсе крупные землевладельцы, способные содержать небольшую военную дружину, могли собирать сбор на своей малой территории. Но такие отдельные землевладения едва ли можно назвать государствами, поскольку часто они группировались с целью взаимного усиления и подчинялись какому-то феодалу рангом выше всех них, что уже представляло собой государство. Но и цен-

централизованность такого государства была очень относительной, феодалы могли иметь общую валюту, религию и казну, но при этом каждый отдельный феодал мог иметь даже свою армию, независимую от армии государства. Сюзерен имел преимущество перед вассалом в том, что его купцы могли торговать на территории вассала без каких-либо импортных сборов, вот купцы вассала, желающие что-то продать на территории сюзерена, всегда обязаны были платить денежный сбор или натуральный, размер которого во многом зависел от благосклонности данного сюзерена к своему вассалу или от обычая.

Может показаться, что раз импортные сборы представляют собой произвол землевладельцев, то стоимость товаров будет исключать элементы дарения и эксплозивной готовности. Ведь только в развитых централизованных государствах король при помощи банковской системы и кредитного процента стал отменять такие поместные сборы, заменяя их высокими торговыми пошлинами в казну государства, и тем самым закладывал в стоимость товаров дарение. Импортный сбор – это арендная плата, которую землевладелец берёт с иноземных арендаторов, которые желают использовать его землю для каких-то, чаще всего торговых целей. Разумеется, ради обогащения владельцу земли выгодно, чтобы такие сборы были максимально высокими. Но почему, собственно, человек непременно должен стремиться к выгоде обогащения? Эксперименты по эгоизму щедрости показыва-

ют, что человек, получающий какую-то ренту, то есть, нетрудовой доход, за обладание которого он ни с кем не конкурировал, то он будет испытывать счастье, когда будет проявлять щедрость. Это тоже выгода, но выгода другого рода. Тогда, правда, следует задаться вопросом, как вообще возникли импортные сборы?

В предыдущей главе мы уже касались этого вопроса. Нетарифное регулирование импорта, по сути, возникло как реакция крупных землевладельцев на появление денег и товарно-денежных отношений. Рост стоимости денег привёл к понижению стоимости земли и земельной ренты. Сама по себе эта рента не представляла собой чего-то стабильного, поскольку, как было доказано в исследованиях у различных племён, она представляла собой во многом предметы, бесполезные в быту и имеющие эстетическую ценность. Количество этих предметов могло меняться, из-за этого менялась и рента. Вместе с тем, та часть ренты, которая имела исключительно эстетическую ценность, часто не сохранялась у землевладельцев, а преподносилась ими землевладельцам из соседнего племени в обмен на ответный подарок. Так вот, членам племени было выгодно, чтобы эстетическая рента, выплачивая ими, была больше, чем у соседей. Ведь они закладывали эту ренту в стоимость товаров, которые производили для купли-продажи. Вместе с тем, размер эстетической ренты, то есть количество предметов, которые будут подарены, зависел от многих, часто случайных обстоятельств.

Здесь в дело вмешивалось ещё соревнование в щедрости: каждому племени было выгодно подарить соседнему племени больше, чем то подарило ему. Но в соревновании в щедрости всегда какую-то роль играет случайный жребий, поскольку именно жребий делает возможным дарение, несводимое к купле-продаже. Если товар обязательно меняется на другой товар, то это — купля-продажа, если же я отдаю товар, а в ответ могу получить что-то или не получить, в зависимости от случайных обстоятельств, то значит, я сделал подарок. Даже если я получаю какой-то предмет в ответ, всё равно размер ответного подарка может не соответствовать стоимости моего подарка, и это тоже может зависеть от случайного жребия. В другой раз размер ответного подарка может, наоборот, превышать стоимость моего подарка, и это тоже зависит от случайных, не зависящих от тех, кто обмениваются, обстоятельств. И эти случайные обстоятельства тоже закладывались в стоимость товаров при обмене подарками между племенами. То племя, что дало больше подарков, повышало стоимость продукции, которую оно продавало уже при сделках купли-продажи. Разумеется, там, где не было денег, обмен был ещё довольно медленный, и он почти никак не влиял на качество производимой продукции. То есть, здесь свободная конкуренция между производителями была просто не нужна. Если бы кто-то и предложил этим племенам перейти к свободной конкуренции между производителями, то к нему никто не прислушался бы.

В конце концов, эти народы представляют собой аграрные культуры, то есть, большая часть того, что они производят – это продукция сельского хозяйства. А здесь, как известно, далеко не всё зависит от человека, трудящегося на земле. Кому-то достался участок более плодородный, кому-то менее плодородный, кто-то владеет землёй в горах, а кто-то у моря, в значительной степени это всё зависит тоже от случайных обстоятельств.

Когда появляются деньги, то есть, предметы, предназначенные раньше для дарения, начинают использоваться ещё и в купле-продаже, то обмен становится намного быстрее и начинает влиять уже на стоимость продукции. Рента выплачивается раз в год, и обменивать землю на деньги сложнее, чем движимое имущество, в силу чего рента становится фиксированной и низкой, при том, что стоимость товаров остаётся высокой. То есть, за счёт интенсивного обмена рента становится менее обременительной для арендаторов земли. Тогда и появляются импортные сборы. Вожди начинают облагать рентой уже не своих соплеменников, а членов чужого племени, которые хотят продать товар на их территории. Так владельцы земли тоже начинают извлекать выгоду из интенсивного обмена. Может показаться, что здесь крупные владельцы земли, а именно – племенные вожди тем самым хотели защитить свои доходы, не желая становиться беднее. Возможно, некоторые из них добивались именно этого, другие же боролись за сохранение ренты лишь по-

тому, что значительная часть её предназначалась для дарения. Ведь не было никакого смысла копить получаемые таким способом доходы, поскольку каждый год рента выплачивалась снова. Получается, что какую-то часть этой ренты владельцы тратили на обеспечение себя самым необходимым, а остальное расточали различными способами. Уменьшение ренты означало, что они теперь должны меньше расточать, но они нашли способ компенсировать потерянное за счёт купцов из других стран, желающих у них продать товар. А полученные средства они снова расточали на своих соотечественников или на услуги вождям из других стран. Ведь выплаты ренты в деньгах означают, что эта рента может быть интенсивно обменена, в то время как при отсутствии денежных отношений рента растрачивалась гораздо медленнее. Импортный сбор – это уже такая рента, которую прямо или косвенно получают все жители страны разом, как государство. Земля превращается в территорию государства, а все граждане, получается, являются совладельцами этой территории. И в таком случае следует задаться вопросом, как вообще дошло до того, что появилась необходимость королю регулировать эти сборы путём валютно-банковской политики, то есть, осознанно, и тем самым закладывать в стоимость дарение, но уже сознательное или мнимое, а не бессознательное, как было прежде?

Надо думать, что к тому моменту, как появился абсолютизм, нетарифное регулирование экономики в значитель-

ной степени изменилось и перестало служить цели дарения. Но это не значит, что любое нетарифное регулирование служит исключительно цели дарения и вредит свободной конкуренции. Вполне можно допустить, что есть такое нетарифное регулирование, которое способствует свободному рынку, но при этом допускает щедрость. Проследим за теми изменениями в нетарифном регулировании экономики, что происходят на протяжении истории. Для этого будем рассматривать государство, как некоторое объединение владельцев земли, которые складывают свои земли в общую кассу и тем самым увеличивают их совокупную стоимость. Стоимость одного большого участка становится на порядок больше, чем сумма стоимости всех малых участков, из которых он состоит, взятых по отдельности. Это в значительной степени связано с тем, что большому государству легче держать высокую планку импортных сборов, контролировать экспорт и импорт во многом за счёт совокупной военной силы. Из-за этого уже владельцам земли становится невыгодно отделять свой участок от государства, ведь так они будут получать меньше дохода за тот же самый участок земли. Земля государства в таком случае превращается в некоторую неделимую собственность, и передать её в наследство можно было только гражданину государства. Если землю получит тот, кто не является гражданином, то он отделит свой участок от государства, и тогда стоимость тех участков, что остались в составе государства, упадёт, и снизится она не на стоимость

отделившегося участка, а значительно больше.

Именно поэтому в древности было запрещено не только оставлять в наследство, но даже продавать землю иностранцам. Земля государства полагалась неделимой собственностью, в частном римском праве было прочно закреплено понятие такой неделимой собственности. Например, несколько человек могли получить в собственность какую-то вещь, которую они не могут разделить так, чтобы сумма частей вещи была равна стоимости целой вещи. В римском праве такой неделимой собственностью, например, могло быть какое-то произведение искусства. Скажем, это может быть статуя, оставленная в наследство сразу двум или трём наследникам. Они понимают, что если разделят статую на части, то стоимость её значительно упадёт, и, если сложить стоимость частей, она уже и близко не будет такой, как стоимость целой статуи. Стало быть, нужно было придумать нечто такое, что позволяло бы всем владеть неделимым имуществом, не разделяя его. Есть, по сути, два основных ненасильственных способа решить проблему с таким неделимым имуществом, и из них вырастает два способа нетарифного регулирования экономики. Один способ – это юридическое лицо, в классическом римском праве не было юридических лиц, но в постклассическую эпоху они были изобретены специально для того, чтобы решать вопрос с неделимым имуществом. Второй способ, а хронологически первый – это алеатное владение. Разберём сначала этот способ.

Здесь землёй владеет коллектив физических лиц, своего рода кооператив. Фактически каждый собственник имеет право в любой момент забрать свою долю имущества, причём не абстрактную в виде акций, а конкретно именно то имущество, которое ему принадлежит. И если это движимое имущество, которое не является произведением искусства, то оно так и делится без всяких препятствий со стороны властей. Но с землёй этого не делается, поскольку в таком случае размер получаемой собственником ренты снизится. Разумеется, в таком случае может снизиться и совокупная рента тех, кто ещё остались в коллективе, поэтому обычно они путём давления пытаются не допустить выхода кого-то из коллектива. Но это, разумеется, касается только государства, в других случаях в подобном кооперативе процедура выхода не сопряжена с такими сложностями. Здесь же проблема заключается именно в неделимости имущества. С этой проблемой столкнулись ещё в древних царствах. К примеру, считалось, что персидский царь владеет всем имуществом в государстве, но он не может выделить какую-то часть этого имущества и передать какому-нибудь своему родственнику. Всё, чем владеет царь, полностью перейдёт в собственность его наследнику в должности. За право быть таким наследником часто устраивалась серьёзная борьба не на жизнь, а на смерть, и за смертью царя нередко следовала гражданская война в стране. Но уже здесь приходит понимание того, что борьбу эту можно вести разными способами, и от то-

го, как она будет вестись, зависит весь общественный уклад. Например, персидский царь Дарий занимает свою должность согласно случайному жребию. Среди нескольких претендентов на должность именно жеребьёвка должна была решить, кто станет царём. То есть, здесь удалось избежать гражданской войны, интриг, всевозможных ухищрений и подковерных игр, что удаётся далеко не всегда в подобного рода борьбе.

В Античных Греции и Риме такая практика становится регулярной. Более того, они такую борьбу положили в основу, внося в неё правила, которые должны способствовать избежанию посттравматического стресса. Если двоя не могут договориться о совместном владении общего имущества, то вполне легитимным способом считалась борьба между ними, в которой всё должно было достаться победителю. Ведь юридически этот спор решить уже было невозможно. Но всё-таки, этот спор ещё сохранялся в правовом поле, только судьи и органы правопорядка теперь занимали положение арбитров, следящих за тем, чтобы борьба проходила по определённым правилам. Таких правил часто не было, или они были в зачаточной форме у варваров, которые часто из-за этого страдали от посттравматического стресса. Но в античном праве такие правила борьбы были довольно детализированы и легли в основу римского права, они и составляют суть того, что у греков называлось *агон*. Здесь политика была уже неотделима от права, что нам сегодня мо-

жет показаться вопиющей коррумпированностью, во всяком случае суд и закон в таком случае покажутся совершенно пристрастными. Чтобы добиться преимущества, спорящая сторона использовала свои связи, деньги, ораторские приёмы, даже физическую силу (ордалии), чтобы победить. Какалось бы, где здесь право и закон?

Понятно, что в таком споре уже невозможно выяснить, кто прав, но суд может установить правила и хотя бы примерно уравнивать шансы спорящих сторон. В иных случаях спор и вовсе решался через владение имуществом по очереди по жребию. Такие соглашения известны в римском праве, и подобные сделки пользовались исковой защитой. [Федотов А. Г., «Игры в гражданском праве», «Вестник гражданского права», 2011, N 2]. Но и борьба так или иначе допускает некоторый элемент случайного жребия. Юлий Цезарь, к слову, в своих записках любил повторять мысль о том, что на войне очень много решает случайное стечение обстоятельств. Войны, которые вёл Цезарь, в особенности гражданские войны представляли собой образец агонистики, а сам Цезарь был словно пришельцем из прошлых эпох, где господствовал агон, в его эпоху несколько забытый и пренебрегаемый олигархами, полагающимися в своей борьбе больше на техническую мощь и убеждение в собственном моральном превосходстве. Хотя мораль в таких спорах, как правило, оказывается бессильна. Вместе с тем, задача правосудия здесь остаётся такой же, как и в обычном уголовном про-

цессе: остановить цепную реакцию насилия, поставить точку в споре, чтобы нескончаемые распри не разлагали общество. Если борьба будет происходить без всяких правил, то это неизбежно будет приводить к нескончаемым взаимным распрям, накапливаемым поколениями обидам, к цепной реакции кровной мести, и, как следствие, к невозможности какой-то совместной деятельности. Вероятно, назначение Дария царём по жребию спасло молодую Персидскую империю от гибели в нескончаемых взаимных распрах. Хотя таких распрей немало было и после, но, как правило, за власть боролись лишь легитимные наследники из царского рода, и заканчивалась борьба с гибелью ограниченного круга конкурентов и победой одного из них.

Греческий полис изначально был основан на такой идее агонистики, у государства не было и не могло быть никакой монополии на насилие, государство лишь выступало арбитром в легитимной борьбе между претендентами на общее имущество. Оно имело только монополию на тяжёлое вооружение. Государство уравнивало шансы борющихся сторон за счёт внесения в борьбу элементов случайного жребия. Именно случайность была тем единственным средством, которое могло уравнивать шансы противоборствующих сторон, а это было необходимо, поскольку изначально обе стороны находились в равном праве. Дать преимущество одной стороне означало ущемить права другой и дать ей или её представителям основания для мести. Всевозможные орда-

лии, поединки насмерть, спортивные состязания и даже военные конфликты в тех случаях, где они шли по строгим правилам – всё это были именно элементы такой вот агонистики, то есть вполне легитимного, взаимно насильственного разбирательства с обязательными элементами случайного жребия. И вся эта агонистика в полной мере действовала в вопросах государственного устройства, где общим имуществом является собственно территория государства, а борьба за право распоряжаться этим имуществом представляла собой политическую борьбу. При назначении должностных лиц было известно несколько способов такой агонистики. Первый способ – это назначение на должности по жребию. Порой на жеребьёвках вообще основывалась вся верховная власть в стране, как в древних Афинах, где весь верховный совет – Совет Пятисот в полном составе назначался по жребию по очереди из числа граждан. В других государствах по жребию назначали только присяжных и судей в судах. В случаях Афин, очевидно, что каждый гражданин по очереди может на время стать одним из распорядителей общего имущества. В других государствах это было не так, и на этом следует остановиться подробнее. Здесь на многие должности лица назначались в результате выборов. Аристотель считал это отличительной чертой демократии: большинство должностных лиц назначаются по жребию, в то время как при олигархии большинство назначаются в результате выборов. Разница заключалась лишь в том, что в первом случае боль-

ше та часть населения, которая считается гражданами и может участвовать в общественной жизни. При олигархии такая часть относительно мала. Но модель Аристотеля применима для малых государств, в то время как большие государства, типа Римской гегемонии – сначала Римской республики, а затем империи, использовали комбинированный тип назначения лиц на должности. Второй способ назначения – посредством выборов тоже представляет собой агонистику. Назначение на должности по жребию можно считать демократическим ещё потому, что здесь даже малоимущие граждане имели шанс занять должность и даже оказаться на вершине власти. Такие лица, как правило, получали ежемесячное или даже ежедневное (как присяжные в судах в Афинах) жалование из госбюджета, также они контролировали расходы бюджетных средств и прибыль от них. Но это же создавало и большой риск коррупции и хищения бюджетных средств.

Поэтому, наиболее безупречным с точки зрения защиты от коррупции был способ назначения на должности посредством голосования по системе *cursus honorum*. Проблема заключалась только в том, что такой способ назначения подходил для немногих состоятельных граждан, поскольку они не получали никакого жалования из бюджета и вообще в значительной степени распоряжались не бюджетными средствами, а своими собственными. Такие должностные лица обязаны были из своего кармана тратиться на общественные

нужды, и чем выше лицо занимало должность в лестнице *cursus honorum*, тем больше оно обязано было тратиться. В силу этого таким должностным лицам разрешено было заниматься коммерческой деятельностью, ведь часть доходов они непременно должны элементарно раздаривать на благо государства. Хотя, возможно, кто-то возразит, что здесь имеет место не дарение, а именно купля-продажа, обязательная взаимность. Чиновник платил и взамен получал власть. Но дело в том, что власть была здесь возможна, но вовсе не гарантирована. Чиновник платил, когда он уже находился в должности, то есть, когда уже достиг власти. Конечно, он таким способом делал себе хорошую репутацию, чтобы продвинуться выше по лестнице. Но каждый при этом понимал, что лестница к вершине сужается, то есть, с каждой новой ступенькой количество должностей кратно уменьшается, пока на самой вершине таких должности не останется всего две: два консула, возглавляющих государство. Стало быть, только какая-то часть должностных лиц будет получать за свою щедрость власть, и никогда заранее неизвестно, какова эта часть. То есть, здесь вложение происходит с заведомо лишь вероятной прибылью, взаимность не является обязательной, следовательно, это не является куплей-продажей. Правда, для первой и предпоследней ступени в лестнице был некоторый «утешительный приз». Те, кто только начинали свою политическую карьеру, разумеется, могли разориться в должности, поэтому после занятия первой должности —

должности военного трибуна они не возвращались в положение до занятия должности, а получали некоторые привилегии. Такое привилегированное сословие называли всадниками. Далее, предпоследняя ступень в лестнице должностей – претора, сопоставимая с властью министра, тоже фактически означала переход в новое сословие – сенаторов. Разумеется, лестница далеко не всегда действовала так, что лицо должно было пройти одну за одной все ступени. Ведь здесь главным принципом была именно политическая борьба, и наиболее успешный в этой борьбе легко мог перешагнуть сразу через несколько ступеней лестницы, если он был способен на равных конкурировать с теми, кто находились на высших её ступенях.

Таким образом, назначение на должности путём голосования через осуществление гражданами своего избирательного права тоже может представлять собой агонистику. Здесь присутствует борьба, но также присутствует и роль жребия. Кандидаты соревновались с собой именно в щедрости, и во многом именно от щедрости должностного лица зависело, кому отдаст предпочтение избиратель во время голосования. Хотя, конечно, бывало по всякому, и были целые группы демагогов, которые организовывали своих сторонников голосовать за какую-то идею. Но даже такой демагог, занимая должность, никак не мог быть уверен, что его изберут на следующую должность, если он не будет достаточно щедрым. Стало быть, находясь в должности, он всё равно сорев-

новался в щедрости с другими должностными лицами своего ранга, а это поневоле вносило в соревнование элемент случайного жребия и примерно уравнивало шансы оппонентов. Соревнование в щедрости, по сути, есть такая же борьба, в которой целью может быть обладание чем-то, и может приводить даже к гибели одного из противников, только проходит эта борьба исключительно по строгим правилам, которые стремятся уравнивать шансы противников. Но таким способом происходит избавление от возможного посттравматического стресса, и щедрость не переходит со временем свою противоположность. То есть, конечной целью здесь всё-таки является растрата, а не захват и присвоение.

И даже третий способ назначения на должности, когда общество или некоторое экспертное сообщество просто назначает человека за его способности на некоторую службу, в Античности тоже представляет собой агонистику. Ведь таланты и способности зачастую также достаются человеку случайно, как бы по жребию, и зачастую разглядеть эти таланты можно только в ситуации борьбы между их обладателями. Так даже в римские легионы легионеров набирали таким способом. Мало было волеизъявления, в легионы брали, как правило, свободных римских граждан, жителей провинциальных легионов или невольников могли привлекать только в порядке исключения, первых во вспомогательные легионы, вторые, записавшись в легион, автоматически переставали быть «рабами». По сути, легионы не были регу-

лярной армией, в легионах всегда сохранялись черты ополчения. Так, через 10 лет службы легионер мог выйти в отставку, получить землю и некоторые налоговые привилегии. Правда, срок службы был 25 лет, и в течении этого срока он должен был являться периодически на военные сборы. В целом же, если легион не воевал, то он распускался без выплаты жалования. Всё это говорит о том, что жертвовать собой на войне, выносить лишения и проливать кровь было правом элиты, то есть, сословия граждан, которые составляли далеко не большинство населения страны, особенно в Риме. И понимая это, понимая свою искупительную роль, воины легионов дальше соперничали между собой за должности, на которые их, как правило, назначали без жеребьёвок и голосований. Но, получается, всё равно это была агонистика, потому что соперничали между собой те, кто уже находились в жертвующем, искупляющем сословии, и это во многом зависело от случайного жребия (никто же не выбирает, кем родиться), что в значительной степени уравнивало шансы между соревнующимися. Именно это представляет собой действительную, а не мнимую систему сдержек и противовесов. Ветви власти не просто отличаются друг от друга по исполняемым функциями, но и теми способами, какими в каждой ветви в большом государстве должностные лица назначаются на должности: по жребию, путём голосования или путём делегирования из привилегированного сообщества.

Но основу, делающую римскую республику агонистиче-

ской сверхдержавой, составляли конечно те должностные лица, что выбирались голосованием, в частности, так выбирались и два главы государства — консулы. Поскольку их основной обязанностью была щедрость, то, согласно условиям эксперимента, они не должны были работать и получать свою имуществу в борьбе за обладание. Стало быть, их капитал складывался в основном из ренты от сдаваемых в аренду земли и недвижимости. Это одна из причин, почему запрещено было продавать землю и недвижимость иностранцам, то есть, тем, кто не являются гражданами. Ведь владелец земли одновременно получал и политические права и даже некоторые обязанности по управлению государством, с другой стороны, если бы владельцы недвижимости распродали свои владения ради быстрой выгоды, они могли бы быстро разориться, и государству стало бы не хватать должностных лиц. Впрочем, далеко не только в Античности государство защищало собственников земли от продажи своих владений, но только в Античности у них был свободное право сдавать свою недвижимость в аренду кому-угодно, хоть иностранцам без каких-то пошлин и выплат в бюджет страны. Это обеспечивало стабильность ренты, что служило гарантией того, что арендодатели не станут скупщиками, если вдруг обстоятельства вынудят их подстраиваться под колебания ренты и слишком переживать о своих капиталах. То есть, если им не удастся сдать свою недвижимость в аренду своим согражданам, они могут сдать по той же цене её кому угодно ещё из лю-

бой иной страны или даже провинциалам из своего государства, не пользующимся гражданскими правами. К тому же, понятно, что если бы владельцы земли сдавали своё имущество в аренду только своим согражданам, а затем эти же деньги тратили на нужды государства, то это было бы лишь косвенным налогообложением. Более того, поскольку каждое должностное лицо само решало, сколько средств вкладывать в государство, то с его планами могли расти и аппетиты, и получалось бы, что он добивается процветания своего государства за счёт разорения своих сограждан. Но сдача земли в аренду иностранцам всё меняла. Теперь государство содержалось хотя бы частично за счёт иностранных инвестиций, но это было не разорение предпринимателей из других стран, а издержки международного рынка. Любой предприниматель, торгующий на большом рынке, учитывает и включает в стоимость товара расходы на логистику, в которые включается и аренда помещений и транспортов, в которых товар будет храниться и на которых будет перемещаться. Фактически, здесь ничто не мешает сохранить полезные элементы свободного рынка, а между предпринимателями сохраняется свободная конкуренция в цене и качестве товара. Вмешательство государства заключалось только в том, что устанавливало минимально допустимый размер стоимости аренды недвижимости в нём. Ведь стоимость аренды была напрямую связана со стоимостью земли, с её качествами, с её полезными свойствами. Например, из двух совершен-

но одинаковых помещений дороже сдавалось то, что находилось в черте города, а то, что находилось за городом, естественно, сдавалось дешевле. Стало быть, размер государства, его военная мощь и уровень экономки также влияли на стоимость земли в нём. То есть, нижний порог стоимости аренды был твёрдо зафиксирован, а вот верхний порог не был ничем ограничен. То есть, арендаторы могли предлагать владельцу земли какую угодно цену и свободно соревноваться между собой. Разумеется, тот производитель, что имел больше спроса на свой товар и извлекал прибыли больше, чем другой, мог предложить арендодателю большую сумму. А раз так, то подобные сборы никак не мешали конкуренции предпринимателей и совершенно не нарушали главный принцип свободного рынка. Иностранец имеет такие же возможности арендовать землю у владельца, как и его соотечественник, изначально их права совершенно равны. Отличается только минимальный размер импортного сбора в разных странах, который одинаков опять же для всех: и для иностранцев и для соотечественников.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.